

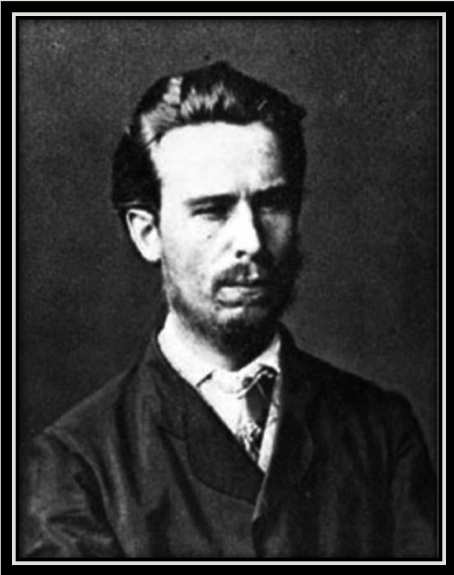
ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

11. 11. 1821 – 09. 02. 1881 гг.

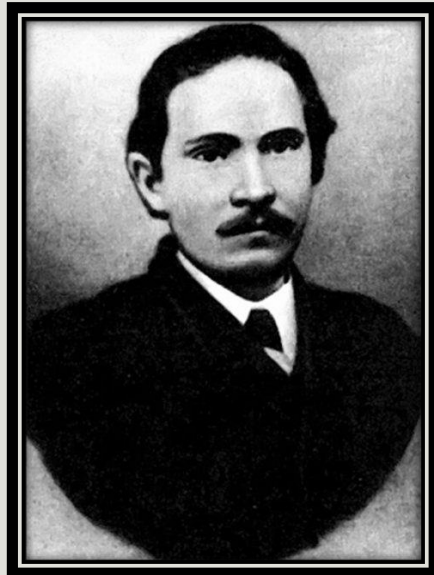

РОМАН «БЕСЫ»

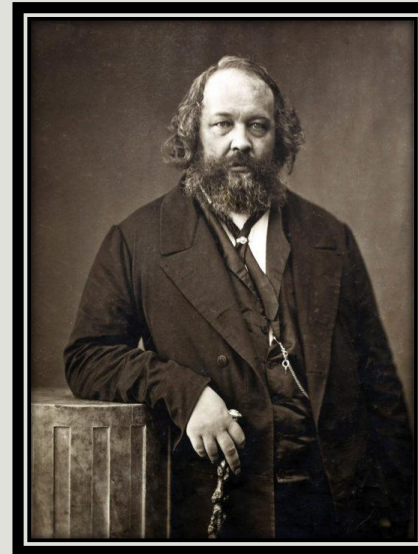
1872 ГОД

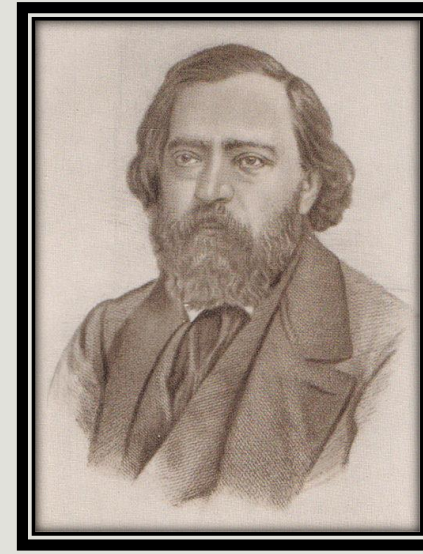
Сергей Нечаев (1847 – 1882) — лидер организации “Народная расправа”

Пётр Ткачёв (1844-1885) — лидер заговорщицкого течения в русском революционном движении

Михаил Бакунин (1814-1876) — один из родоначальников революционного анархизма, один из лидеров Первого Интернационала

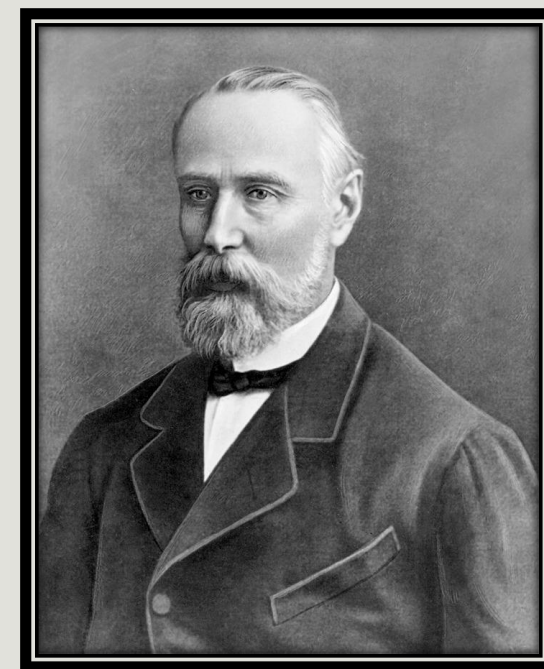
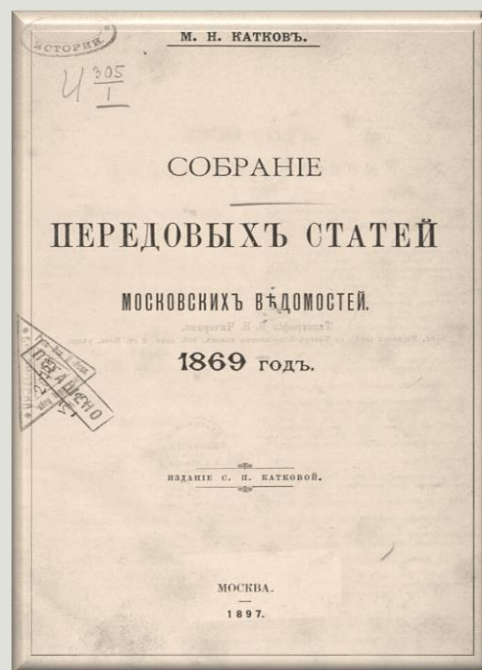
Николай Огарёв (1813-1877) — поэт, революционер-демократ, ближайший друг и соратник Александра Герцена

Роман «Бесы» - это одно из наиболее политизированных произведений Ф.М. Достоевского, которое он создал под впечатлением от деятельности зарождающихся террористических и революционных движений в России. Роман стал своего рода предупреждением об общественной катастрофе, к которой приведут жестокие методы достижения идеи всеобщего счастья и принцип «цель оправдывает средства». Решающим побудительным толчком для создания романа «Бесы» (1871–1872) послужило так называемое «нечаевское дело».

Пребывая в конце 1869 года за границей, Достоевский обратил внимание на заметку в «Московских ведомостях»: «Нам сообщают, что вчера, 25 ноября, два крестьянина, проходя в отдаленном месте сада Петровской Академии, около входа в грот заметили валяющиеся шапку, башлык и дубину; от грота кровавые следы прямо вели к пруду, где подо льдом виднелось тело убитого, опоясанное черным ремнем и в башлыке... Тут же найдены два связанные веревками кирпича и еще конец веревки...»

Из последующих сообщений газеты выяснилось: речь идет об убийстве слушателя Петровской земледельческой академии Ивана Ивановича Иванова пятью членами тайного общества «Народная расправа» во главе с его руководителем Сергеем Геннадиевичем Нечаевым.

01. 10. 1818 - 20. 07. 1887 гг.

Катков Михаил Никифорович

Русский публицист, издатель, литературный критик, влиятельный сторонник консервативно-охранительных взглядов. Редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики. В своих изданиях обеспечивал идеологическую поддержку контрреформам Александра III. Тайный советник. Освещал детали судебного процесса над «нечаевским делом» в официальной русской печати.

К. К. Арсеньев, общественный деятель, юрист, литератор.

А. Д. Дементьева, народница, жена П. Н. Ткачева. Фото до 1870 г.

А. В. Долгушин, участник московского кружка «Народной расправы». Фото после 1873 г.

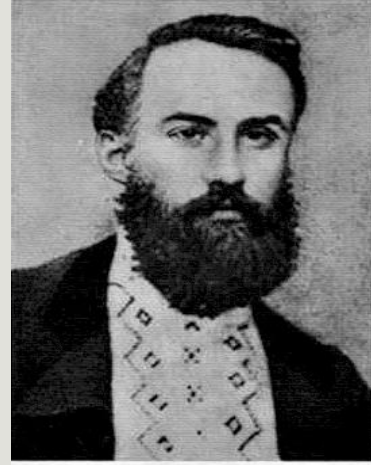

В. И. Ковалевский, член московского кружка «Народной расправы».

Программа нелегальной организации предусматривала подрыв государственной власти, христианской религии, социальных установлений, нравственных устоев. Цель – осуществление анархо-революционных преобразований в России. Для этого Нечаев создал несколько пятерок, состоявших преимущественно из студентов.

Достижение поставленных задач предполагало неукоснительное повиновение руководителю. Участников скрепляло использование любых, самых безнравственных и разбойничьих средств, взаимного шпионства и кровавой мести.

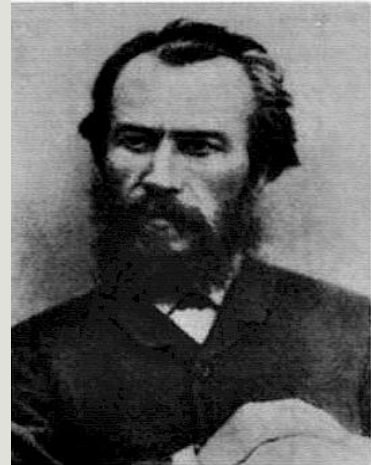

П. Г. Успенский, заместитель С. Г. Нечаева по «Народной расправе». Фото ок. 1869 г.

И. Г. Прыжов, участник «Народной расправы». Фото ок. 1869 г.

А. К. Кузнецов, член общества «Народная расправа».

А. А. Черкесов, общественный деятель, выступал как защитник на политических процессах.

Фактологическую основу «Бесов» составили: политические предпосылки, организационные принципы общества «Народная расправа», особенности личности Сергея Нечаева, его деятельности, обстоятельства идеологического убийства.

Достоевскому было важно не только раскрыть содержание и смысл актуального события, но и выявить его происхождение, определить питательную почву для такой идейной практики.

Убийство студента в очередной раз воскресило в сознании писателя воспоминания молодости. В кружке Петрашевского он сам увлекался теориями утопического социализма и, по собственному признанию, внутренне был готов на аналогичный поступок: «Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но Нечаевцем, не ручаюсь, может, и мог бы... в дни моей юности».

«Обряд казни на Семёновском плацу». Рисунок Б. Покровского. 1849 год

- **«Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния... Приговор смертной казни расстреляньем, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти».**
- **«И страшно, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля! Никогда никто не отрывался так от родной почвы, как приходилось иногда ему, и не поворачивал так круто в другую сторону, вслед за своим убеждением!»**
- **«Ничего нет лучше для исправления, как прежде с раскаянием вспомнить».**

Федор Михайлович Достоевский

Художественный замысел романа, по словам самого Достоевского, состоял в следующем: «Я хотел поставить вопрос, и сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны не Нечаев, а Нечаевы, и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе под конец нечаевцев».

Идейно-художественный замысел «Бесов» требовал такого изображения единичного события, чтобы в нем отразились основные тенденции развития современного общества, раскрылись связи настоящего с прошлым и будущим, проявились бы едва уловимые переходы высокого в низкое.

Достоевский подчеркивал, что в его произведении нет реальных «портретов или буквального воспроизведения нечаевской истории». Ему важно было создать тип псевдореволюционера, который мог несколько не походить на реального Нечаева, но который должен был вполне соответствовать совершенному злодейству.

В образе Петра Верховенского и его сообщников, в их мыслях и действиях концентрированно и выпукло проявляется истинный облик и реальные мотивы поведения мнимых борцов за справедливое переустройство общества.

Петр Верховенский - Антон Шагин. Бесы (2014), режиссер Владимир Хотиненко

Достоевский показывает, каким бумерангом может обернуться и оборачивается нигилистическое стремление уничтожить те самые социальные формы и установления, через которые из века в век, от поколения к поколению, и передавались эти ценности, идеалы, традиции.

Воинствующее безверие, отсутствие семейного очага и главного занятия, поверхностное образование, незнание народа и его истории – эти и подобные им духовно-психологические предпосылки формируют «ум без почвы и без связей – без нации и без необходимого дела», развращающе действуют на душу.

В результате главный герой романа «Бесы» Петр Верховенский оказался не в состоянии понимать благородные и «идеалистические» измерения жизни, но своим «маленьким умом» хорошо усвоил, каким образом можно использовать слабости человеческой натуры (сентиментальность, чинопочитание, боязнь собственного мнения и самобытного мышления).

Люди для Петра Верховенского – своеобразный «материал, который надо организовать» для какого-то невнятного прогресса.

*Степан Трофимович Верховенский – Игорь Костолевский.
Бесы (2014), режиссер Владимир Хотиненко*

*Уже смертельно больной Степан Трофимович просит случайно встреченную им книгоношу, Софью Матвеевну, ухаживающую за ним, прочитать ему это место из Евангелия: «О свиньях... я помню, бесы вошли в свиней и все потонули... Прочтите мне это непременно; я вам после скажу, для чего... это чудесное и... необыкновенное место было мне всю жизнь камнем преткновения... Теперь же мне пришла одна мысль... видите, это точь-в- точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, **все бесы и все бесенята**, накопившиеся в великом и милом нашем больном, нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят её свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...»*

«Бесенята»

Служение человечеству в теории, которым заняты в романе и «бесенята», на деле оборачивается духовным и физическим уничтожением. В основе такого служения – презрительное разделение людей на имеющих право «гениев» и бесправную «толпу».

Например, Шигалев предлагает «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать...»

Лямшин же хотел бы несколько преобразовать методический деспотизм Шигалева, чтобы ускорить конечное разрешение вопроса: «А я бы вместо рая... взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать поученому...»

Самое страшное то, что этими идеями одержимы не только теоретики, так называемые идеологи «ученой» и «прогрессивной» жизни. «Мутное» влияние этого принципа «всеобщего разрушения для добрых окончательных целей» испытывают опасаящиеся отстать от моды и прослыть ретроgrадами другие персонажи романа.

Шигалев - Сергей Холмогоров. Бесы (2014), режиссер Владимир Хотиненко

Лямшин - Александр Марголин. Бесы (2014), режиссер Владимир Хотиненко

Отец главного «беса» Степан Трофимович Верховенский задается вопросом: «Почему же все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник. Почему это?» Дело в том, что Верховенский старший не понимает тех законов, по которым снижаются, изменяются и перерождаются исповедуемые им самим гуманистические идеи. «Вы представить себе не можете, какая грусть и злость охватывает всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу, и вы вдруг встречаете ее уже на толкучем, неузнаваемую, в грязи, поставленную нелепо, углом, без пропорции, без гармонии, игрушкой у глупых ребят! Нет! В наше время было не так, и мы не к тому стремились».

Сам Степан Тимофеевич наиболее ярко выражает в романе собирательные черты русских западников и типизирует особенности мировоззрения, умонастроения и психологического склада «либералов-идеалистов» 1840-х годов.

Внешнему и внутреннему облику, мыслям, чувствам, желаниям Степана Трофимовича Верховенского свойственны, с одной стороны, возвышенность, благородство, «что-то вообще прекрасное», а с другой – какая-то невнятность, неочерченность, половинчатость. Он блестящий лектор, но на отвлеченные от жизни исторические темы, автор поэмы «с оттенком высшего значения», ходившей, однако, лишь «между двумя любителями и у одного студента». Врховенский - старший собирался обогатить науку и какими-то исследованиями, но благие намерения умного и даровитого ученого ушли, как говорится, в песок полунауки.

Для Верховенского-отца родная страна «есть слишком великое недоразумение, чтобы нам его разрешить, без немцев и труда».

По замыслу Достоевского, непонимание России, ее исторических достижений и духовных ценностей, безусловное подражание Западу без анализа всех (не только положительных, но и отрицательных) вытекающих отсюда последствий создавали благоприятные условия как для заимствования «коротких» и туманных идей, так и для последующего снижения.

В конце романа ироническое освещение образа Верховенского-старшего дополняется драматическими интонациями, когда он выходит в «последнее странствование», осознает трагическую оторванность своего поколения от народа и его духовных ценностей, стремится проникнуть в сокровенный путь Евангелия. В самой возможности такого «странствования» писатель видит залог подлинного возрождения своего героя, доверяет ему авторское истолкование эпиграфа романа, вкладывает в его уста мысль апостольского послания о любви как могущественной силе и «венце бытия».

Таким образом, Достоевский предполагает и такой выход из неопределенного великодушия «чистого и идеального» западничества «отцов», хотя в действительности «верховенство» оказалось на стороне тенденций «нечистого» нигилизма «детей». Даже сама фамилия героев несет в произведении вполне определенную смысловую нагрузку. В записной тетради автор отмечает, что отец постоянно «пикируется с сыном верховенством».

В одном из писем Достоевский подчеркивал, что хотя нечаевская история и ее обобщенно-памфлетное изображение находятся на переднем плане романа, все это тем не менее «только аксессуар и обстановка» поступков действительно главного героя. В представлении писателя беснующийся нигилист, его «команда» и «болельщики» не только обретают питательную среду в недодуманных идеях и незаконченных теориях, но и находят себе поддержку и оправдание в глубинах сознания так называемых «лишних», праздных, страдающих от отсутствия подлинного дела людей.

По-настоящему «верховенствующий» в «бесах» – Николай Ставрогин. Это некое предельное, заостренное и полемическое выражение онегинско-печоринского типа личности.

Главным губительным следствием разрыва высшего слоя общества с «почвой» и «землей» Достоевский считал потерю живых связей с традициями и преданиями, сохраняющими атмосферу непосредственной христианской веры. Образ Ставрогина как бы сгущает и обнажает результаты той ситуации современного мира, в которой, если воспользоваться известными словами Ницше, «Бог умер». По словам Достоевского, Ставрогин предпринимает «страдальческие судорожные усилия, чтобы обновиться и вновь начать верить».

Сердце Ставрогина иссушено и делает его неспособным к искренней вере. Вместе с тем он прекрасно понимает, что без "полноты веры" и соответственно абсолютного осмысления человеческое существование приобретает комический оттенок и теряет подлинную разумность. Поэтому Ставрогин пытается добыть веру "иначе", своим умом, рассудочным путем. Но этот "самодвижущийся нож разума" уводит его еще дальше от желанной цели.

Николай Ставрогин - Максим Матвеев. Бесы (2014), режиссер Владимир Хотиненко

В результате Ставрогин оказался словно распятым (сама его фамилия происходит от греческого слова σταυρός – крест) между безмерной жаждой абсолюта и столь же безмерной невозможностью его достижения.

Достоевский признавался, что взял Ставрогина не только из окружающей действительности, но и из собственного сердца, поскольку его вера прошла через горнило жесточайших сомнений и отрицаний.

В отличие от своего создателя, Ставрогин, однако, оказался органически неспособным преодолеть трагическую раздвоенность и обрести хоть сколь-нибудь заполняющую пустоту души «полноту веры».

В «Дневнике писателя» Достоевский писал о том, что без веры в бессмертие души и вечную жизнь бытие личности, нации, всего человечества становится неестественным, немислимым, невыносимым: «только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения же в своем бессмертии связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни несомненно ведет за собою самоубийство».

Достоевский показывает, что «пожар в умах» пленяет вслед за «дрянейшими людишками» не только всякую «сволочь», «флибустьеров» и «буфетных личностей». Он с глубоким сожалением обнаруживает, что во времена потрясений и перемен, сомнений и отрицаний в чудовищные общественные злодеяния вовлекаются и простодушные, чистые сердцем люди. «Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем!»

Отсутствие коренного духовно-нравственного стержня и подлинно великого начала жизни обуславливает, по логике автора, формирование неполного, незаконченного, недосиженного человека, способного на неоднозначные действия.

Без совершенных личностей не может быть и совершенного общества.

А Верховенский-отец в очередном недоумении спрашивает сына: «Да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь?»

Вопрос Степана Тимофеевича автор рассматривал как основную проблему, от решения которой зависит будущее России и всего человечества и которая по-своему ставится в эпилоге. Серия больших и малых катастроф в последней части произведения завершается холодно-рассудочным самоубийством Ставрогина, как бы свертывающим художественную перспективу романа в безнадежный апокалиптический круг.

Творческий опыт «Бесов» учит везде и во всем искать нравственный центр, шкалу ценностей, которые руководят помыслами и действиями людей определять, на какие, темные или светлые, стороны человеческой души опираются разные явления жизни. Говоря о своем произведении и драматических исканиях современной молодежи, Достоевский подчеркивал: «Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду. Для того и написан роман».

